

Александр Петрушкин

**ТЕТРАДИ
2009—2012 ГОДА**

Александр Петрушкин Тетради 2009—2012 года

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30477246

ISBN 9785449055132

Аннотация

Книга включает в себя все стихотворения Александра Петрушкина, записанные в 2009—2012 годах. Книга представляет собой часть поэтического проекта «Тетради», включающего в себя стихотворения, записанные с 2000 года по настоящий момент.

Содержание

Плечевая	6
«с ты ли мне говоришь дорога всех привела обратно...»	8
«беспонтовый груз...»	10
«зенобия история аврора...»	11
«напиши про меня записку – оставь на кухне...»	12
«а не по шерсти гладишь не по реке не по-...»	13
«все проще по простому по водочке по стопке...»	15
«представь что город в психушке и есть только гало-...»	16
Первоуральск. Свердловск-сортировочный	18
«лучшее что случилось это вагоны...»	20
«Пасхальные, как куличи...»	22
Примитивные стихи	24
Рыбалка	48
«тебя уже позвали никому...»	50
Качели	52
Кефир	54
«образумься сын отец...»	56
На середине мяса	58
«на иртышской набережной будь не будь...»	60
Лошадки	62

Оязыко	64
«в плавном речении лечит...»	65
37	66
Мушиный рай	68
Живой журнал	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Тетради 2009—2012 года

Александр Петрушкин

© Александр Петрушкин, 2018

ISBN 978-5-4490-5513-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Плечевая

*...проходит одна только пора
заполненная тяжестью голого тракта
шагов*

как на марше

*самому бы согреться
Никита Сафонов*

переходящее знамя помнишь ли тусклый брат
как пропадает паше в дойчен-курв-язык
лишь бы согреться ног не хватит на
м обернешься смотришь а по плечу по плечо снеговик
хлопает типа дорога типа время типа чего-то в нас
на х... тебя язык на х... тебя я пас

переходящее знамя переходи ходи
трасса М5 М8
и за бухлом в сибирь

девочка мостовая девонька плечевая
шнапсовый штык в кадык гансу дахау Рая
девочке дата мальчик третий триместр и лодка
плывет за собой в Сибирь
вроде не слишком водка

нас на просвете видно в переходящее знамя
помнишь на м обернешься вернешься и кто узная
в смысле тебя узнавая в сугробике чечевичном
в глазки тебе вобьет гвоздики
только в Сибирь
на птичьем

будешь ходить с гвоздями будто они ресницы
переходящее знамя помнит всю речь на птичьем
если друзей узнаёшь в цвирке гуление свисте
значит не можно шить
значит снега провисли

тоньше и тоньше снег трасса М5 М8
девочка плечевая слаще слепой Маруси
вынет возьмет и сложит
и сквозь сибирь пропустит

что ж собирай по мне и из меня
себе бусы

«С ТЫ ЛИ МНЕ ГОВОРИШЬ ДОРОГА ВСЕХ ПРИВЕЛА ОБРАТНО...»

*...не пошлет знака тебе, весточки, вещего сна
тебе не пошлет...*

Мария Скаф

с ты ли мне говоришь дорога всех привела обратно
рать рассеяна по свету прах по земле размазан
стоит ли продаваться снег не закроет пятна
подписи на договоре начали год начхали
эту испанку в глотку медный парад на шею

Господи, помоги, видеть не левым глазом

что остается нам? жить как в кануны жили
стыд ощущать внутри с тыла смотреть как ворон
не устоять ни разу Господи помоги
жить без трагедий эту кромку в межсмертии громко
больше не говорить не принимать ответы

данные мне другим только не левой фразой

больше молчать чем есть будто по вере грипп
больше молчать чем есть
только молчать

и сразу

«беспонтовый груз...»

беспонтовый груз
в (адресат затёрт)
прочитай себе
зренья оборот
априори речь
не собой страшна
то ли раша то ли рца
сыплет с полотна

«зенобия история аврора...»

зенобия история аврора
порА и пОра
на сугомак летит как птица
летает чтобы небу поразиться
на линзе снег и ходит человек
почти без век

и ходят оболикшта или гриша
когда съезжает крыша то ты слышишь
как небо удивляется воде
и произносит мягкое: я где?
на линзе снег с водой на полколена
то машарыгин катя или лена

«напиши про меня записку – оставь на кухне...»

напиши про меня записку – оставь на кухне
переваливаясь через балкон бородатая кошка
говорящую речь переводит с нанайского среди улиц
на мой полурусский: что значит нам всем здесь скользко

напиши про меня записку – уже плыву
среди улицы – молча —

переиначенный
на бегу

«а не по шерсти гладишь не по реке не по-...»

а не по шерсти гладишь не по реке не по-
пере-перечишь сходишь с ума и на постой

своя и наперчила сперечилась на крик
все кухня тебе кухня все клавиша тебе в стыд

да не по речи тычешь и не по русски по-
походишь если встанешь по снегу глубоко

а там светает в льдине и на горе горит
то падает в окрестность то из окна глядит

и гладит не прощает – поскольку может – Бог
простить которых мало когда совсем светло

за ним из дымных яблонь свит в беличьей строке
почуявший нас ангел в подснежном узелке

и штопает речь клавиша все кухня кухня всё
а на руке морщина и от воды кольцо

кержак выходит утром и кадр за ним дрожит
под снегом только ангел который снег крошит

и пропадает стыдно и сдобно по утру
не то чтобы по вере острее по углу

«все проще по простому по водочке по стопке...»

Евгении Извариной

все проще по простому по водочке по стопке
и ангелом покажется сгоревший в глухой топке

по огороду руки и кадыки по дырам
не покидай меня за краешком эфира

и хочется чтоб тело или хотя бы птицы
не прогибалось к ветке не приводилось к мысли

и чтобы по стальному – то санников то ивкин
на трубах вверх сидели и за меня просили

«представь что город в психушке и есть только гало-...»

представь что город в психушке и есть только гало-
почти-периодол почти что главврач назначает и спит
с санитаром

один впереди схожий рожею с морфеусом или нео
другой как всегда сидит или спит но опять налево

представь что закончится эта зима что решетка и иглы
одно и одно перемножено только лишь дети

помнят себя узнают в черном запахе спермы и спирта
и ты на приеме у у и омеги был первым

представь что остались лишь крестики нолики и палаты
все по пошиву халатов и вязке сук с кобелями значит

матрица нас имеет мы едем в саратов
ястреб взлетает

Зима закончилась. Лето уже не наступит
Представь себе я научился плакать

И главврач учится произношению слова:

Суки!

Первоуральск. Свердловск- сортировочный

Александрю Павлову

темно а знаешь ничего
вода холодная её
вода холодная как хрусть
а небо небом хоть
и груз

а на вокзале чемодан
он с боем взят таджику дан
вокруг его толпа цыган
у тьмы в кармане спит
наган

свернувшись в маленького спит
он не умеет говорить
и потому темна до дна
идет вода пешком
одна

и электрички вдоль воды
сшибают свет или столбы
петух стоит петух орёт

шестёрка слева пьёт
и пьёт

ты едешь в никакой Париж
ну почему же ты молчишь

Господь что справа не удел
он ловко умереть сумел

свернувшись в маленького он
на верхней полке
за кулём

«лучшее что случилось ЭТО ВАГОНЫ...»

Александру Павлову

лучшее что случилось это вагоны
те в которых едут молчать потому что
наговориться успел под завязку до горя
выпустите меня в кыштыме
или в последнее море

всегда ощущал москву как дорогу в гадес
посередине последний коцит – садовый
омега всех одиночеств большая малость
яблоко которое висит над водкой
я – знаешь? – в доле

на бмв доплывает харон до дома
гладит по голове сына как я в вагоне
узнавая наощупь совсем немосковский стыд
не знаю что там говорит про любовь и братство
кент с балканской звездой и их диалекты
на выходе в тамбур или в жидкий Аид

он рисует нолик мир нарисует крестом
по мокрому и земляному взлетают рельсы

главное умение говорить с завязанным языком
до – посредине – и главное после смерти

«Пасхальные, как куличи...»

Пасхальные, как куличи,
Летят вослед тебе врачи —
И это полный
(айс).

Вот ангел над тобой стоит
И что-то тёмно говорит
(Он говорит:
не влазь).

На девятнадцатое ты
Себя свалил из пустоты
(Не влазь сюда, не
Влазь)

От этих – типа тех – щедрот
Коцит стоит как твой
Полёт и, улыбаясь
Прайс —

Он видит – хлеб и плату. Плоть
Твою перебирает
Крот —

Иуда крутит шмайс
(ер будет на другой строке,
А ты идешь не по реке

Не по руке, на высоте
Как те и эти). Эти Те
Пасхальные, как куличи,
Но ангелы, а не врачи,

Берут под руки и ведут
То там то здесь, то в ад, то в тут
Как в предпоследний
раз

И первая звезда горит,
И со второю говорит
И между ними айс-

Берг (санитар) весь мир ведёт —
Ты говори наоборот
Когда игла в руке поёт,
Не выдавая шанс

На пребывание во тьме
Не время ангел в высоте
Мне говорит:
не лажь...

Примитивные стихи

Андрею Санникову

– 1-

по главной улице пешком
как буратино – перечтём
пересчитаем щебет – вверх
так вычитает смех наш смерть
неизмеримая тоска
не выбирает берега
где нас читает смерть сквозь смех
перебирая лапой снег
собака ходит через тьму
которую я не пройду
по главной улице пешком
где нас проговорит на том
невнятица доязыка
неизмеримая доска
чтоб вычитая смерть и смех
проговорить себя наверх

– 2-

забор к забору как в пивной
стучится вобла в отраженье
сбивая ритм с дощатых ног

под левым жженье

не электричество жужжит
в переносимом свыше смысла
пришьешь и смотришь как бы вниз
а пиво скисло

и ходит пес по человечьи
и лечит не свои увечья
в пивной между рядов три шага
не очень мало

и вобла выплывает (сменим
на бляди неприкрыты в тени)
забор к забору не темно
не всё равно

заходит некто ставит пиво
выходят санитар и зина
сгорают легкие в морозе
все едут к Розе

– 3-

дорогой мой мальчик
перерезал пальчик
переехал город
вот тебе и повод

что ни вор то рядом

что ни дом то в птице
не летаешь помнишь
а не спишь и снится

– 4-

обещай мне молчать только ты так умеешь (молчать —
это речь говорить про себя эту речь
исчислять

мы устали но есть соответствие в этих печках
у морозов кирпичных молчать обещай мне
молчать)

обещай мне молчать этот страх обучает за речь
переходим на выдохе голос медвежий
который беречь

обещал нас молчать обучал и не голову с плеч
и когда ты перечишь ей весь
обретаешь всю речь

– 5-

комочек переваливая
с боку на бок
еще не Бог а бога нет и
на фиг

идешь под фонарем
чертя не круг

и черт не брат еще
и бок не друг

в дыму всходил
как пересказ неточный
вагонный ресторан
беспотолочный

комочек переваривая
место
в котором людям было
очень тесно

под яблоней стоял и видел небо
прикусывает корочку от хлеба

– 6–

где снега в полуобороте
не больше чем чихать сороке
вода стекающая криво

[но всё красиво]

а остановишься и ладно
дыши на черно-белый ладан
дыши – а если не красиво

[скажи: спасибо]

на негативе – рыба больше
особенно при кадра дрожи
дрожишь и смотришь словно бога

[ждешь у порога]

а он в избе своей сопливой
лежит гриппозный и потливый
уже почти почти из плоти

[не по погоде]

остановись моё дыхание
в известняке – читай заранее —
мы встретимся как в негативе

[и он всех приме]

– 7-

а если время
убивает как совком
какой-нибудь

пометит берег
если

какое если
убивать и глеб
прости меня

песок
мне неизвестен

читаешь письма
путаешь с письмом
и густо в письменах

мне не
понятен

мальчишка что смотрел
на оборот
с другой чужой

и стороны
и света

он тонко ждал
и переменчивым совком
грозил мне [стой]

со стороны
скелета

– 8–

переходный период и крест
и клесты снигири бляхи птицы
всё свистеть или гнать или гнуть

и входить под яик
пятилицым

переходный период иди
иди в или на (правлен взглядом)
ничего не случилось лети
в эту землю густым
снегопадом

только чувствуешь мокрая шерсть
только видишь что лиц уже шесть
и шестое находит нас
рядом

и ранетное древо горит
то ли птенчиком то ли плодами
невозможный с шестым говорит
так возможно что
нами

– 9–

переносится на взрыв время снега шесть часов
переплеты и плетень перелет улёт под лёд
птица тянется к земле – в небо корнем от корней

в городе пяти церквей – пятый ты
стоишь и мерзнешь
в окружении рублей

ловишь маленьких людей
голос для трамвая
просишь

– 10-

о филонове други и о
всё хоругви или бирон

всё пробитая в финики пермь
о филонове то есть не смей

о забвении в голод и в два
лик телка где приходит река

свысока с высоты шестикрыл
это снег нас подземный поил

посоли его полную плоть
о филонове шепчет нам крот

из земного из хлебных корыт
будешь здоровым коль стынешь убит

поднимается мерзнущий дым
через лимб через край через крым

через крынку как мать молока
задевают нас всех облака

о филонове кухня стоит
за тебя – за меня говорит

перечиркнутый спичкой курлы
и ни в чем виноваты скоты

у филонова в лапках стоят
плоть от плоти неспешно едят

а притронешься и отойдешь
всё перечишь – но не клюёшь

смотришь в их занебесный майдан
и растет как кыштымский курган

– 11-

на то смиренный человек клюёт ранетки с мертвых
яблонь
засматриваясь в водный крест и в прорубь
перечёркнут за день

он пересматривал себя – пока за мышь возилась вьюга
метель себя переждала и переплавил
испуга

предвосхищенье – он входил под своды теплых
снегопадов —
чужой еврей – степной калмык —
и большего уже не надо

на то смиренный человек пересчитал свои убытки
и Бог смотрел из всех прорех – как ленин
в первой с открытки

он пересматривал своё: хозяйство темные дороги
ничемное но ремесло ранетки
высохшие ноги

он перемалывал себя переменил себя и льдины
вдоль чёрных яблонь и пруда
горелой глины

на то смиренный человек клевал свои прорехи богу
и холод говорил как смех но
по другому

нельзя и всходит из воды как сталь сквозь овны
всё тот же точный человек
ранету кровный

– 12-

ты не умея лгать я не имея правды
стояще в пустоте не стоишь но всё чаще
входьще через твердь взлетая через воды
мы проникаем смерть рекуя от свободы

среди знакомых блюд блядей первопечатной
где отменен трамвай подземными путями

покурим это друг из общей самокрутки
набитой беломором и мертвыми друзьями

крутые берега кыштымской хиросимы
нас вспоминают кругом и призывают кости
и кости прорастают из земляного мяса
и звонят панихиды как веселяци гости

на берега этила выходят графоманы
и пьёт нас алкоголик простимый и простёртый
а костяные птицы перешивают раны
и покидают е-бург потомственные Лоты

ты не умея правды я не имея молча
стояще в пустоте и в камне коим смерить
нам удастся смертность подземного трамвая
ни живы и ни смертны что стоит только верить

– 13-

Иордан проспиртованный ты. Или честное слово твоё
ничего не достойно? – ничего, говорю ничего,

что в америке черной твоей. Если это сродство —
говори с этой кроличьей шапкой. За меня и его

по мостовым краям лезет вверх чудесатее крыш
этот нигер, как пидор, а падает небо – услышь:

из его бакенбардов нечаянно падает звук.

Всяка жизнь – с Чусовой, и собака под небом за сук

всех порвет – ты опять набираешь слова
или клюкву в ладонь, значит кровь – на спирту, и права

иордань, и дорога в тебе расширяется и —
говори, как прости, и прости, если я говорил.

– 14-

Господи, что тридцать шесть просили
оказались дальше от России
от Урала и т. д. Что дальше? —
кажется: таджики и асфальтом

вертикально залитое поле
(на полях – денщик и нет убоя
большого, чем нам дано. Раздолье,
но и тело выглядит убого.).

Господи, смотри в глаза мне – сколько
надо говорить, чтобы молчать?
Оказался дальше, чем скинхеды,
и за все придётся отвечать.

Перед этим Томском и Свердловском
если стыдно – значит повод важен;
Спирт без языка
совсем не страшен
и таджик везет меня назад

Господи, огромны километры и таджик.

Как речи Уфалея
Нижнего и Верхнего под кожей —

Кровоточат ангелы.

Молчат.

– 15-

мы смотрели на свет
тот который снаружи
внутри смотрел говорил:
не бывает в себе

побывавший с другой
стороны обнаружен
тот который хиджаб
тот который рабе

мы смотрели на свет
свет смотрел по другому
языку называл
вещи или углы:

сын ест дым
дым проходит под кожу
и плывут за рекой

по младенцам гробы

мы смотрели в язык
языки были наши
но язык говорил через нас
свой язык:

мы смотрели в ростки
из распаренной пашни
и росли из торфяника
вверх языки

не бывает в себе
свет смотрел по другому
то ли речь то ли прах
всё раскрошено вдоль

а вода протекает
из лобных и впадин
увольняет себя
и идёт Чусовой

идиот или нет
а еврей или тоже
но плетёт изнутри
разжигая войну

АМЗ или свет
на иглу и прощенье

улыбаясь молчит
каждый как своему

– 16-

озаботилась марина теплой глиной
гладила андрея по глазам

родила не дочку и не сына
тёплого замеса колобка

озаботилась марина и
смотрела

мимо глаз его и мимо
тела

– 17-

Обыкновенная страна – ты понимаешь? —
в вагоне едешь и вагон стираешь;
вагон стирает – небо на полоски —
на всё предсмертие тебе даны наброски.

Вагон уже почти летит – почти читает
и пассажиров сверху вынимает
кривой одной или свинцовой рельсой —
что хоть умри, что в Троицке развейся.

В одно предсердие – со мной покойник едет
помятый, что Чермет на понедельник,

не говорит (и говорит) молчанье,
как будто знает Бог о нас заранее,

как будто смерть не начиналась вовсе,
и всяк покойник рядом, и их восемь.
Обыкновенная страна – не просыпаясь —
как видит смерть: как будто удавалась

нам только смерть. Ты говоришь соседом
вагонным:

смерть горит
велосипедом.

– 18-

[СЕМЕЙНАЯ РЕТРОСПЕКТИВА]

им и было то лет ничего
в магазин заходили как дети
мир пузыристый словно стекло
видел нас в переломленном свете

в этом вывихе черных окон
и с этиловым галстуком в горле
нам и было то лет от того
что повидился ангел в зазоре

и летящий навстречу мне снег
по хрусталику окситоцина

обещал внутривенный и смех
обнимал переломами сына

говори же со мной говори
мать с отцом там остались иные
только свет остается как свет
даже если меня опрокинет

и вокруг остается гало-
перидол остаётся чуть сзади
здравствуй дом переломленный дом
и звенят у дверей санитары

– 19-

[НАТЮРМОРТ ДЛЯ RUNGWE]

скорее проступает ледакол
с той стороны оконного желудка
напротив мясом мучают щенка

вагонная блядина в форме сутки
блюёт на чистокровную кровать
разносит чай с вагоном-рестораном

что ей осталось? только напевать
и напиваться – потому что рано
(скорее проступает ледакол —

по рвотной маске рыщут в нас менты)

и сдохнуть рано даже от того,
что смерть длиннее всей своей тоски

апрельская стальная лимита
на крыше съехавшей стартует к Армавиру
вагонная блядина умерла и потому не стало легче миру

возьми меня в свой невозвратный мир
и ледяного чая подливая – води меня где я других водил
где мяса в нас от края и до края

где речи в нас на переезд до смерти
где всякий оживает до Сысерти
води меня щенка до Армавира

Апрель. Вагонное депо и смерть.
Спасибо.

– 20-

[НАТЮРМОРТ, ПЕРЕПЛЫВАЯ ПАСТЕРНАК]

а гроза прибудет двадцать второго Второго
часа ночи – это как память
про того
про другого
я стою в темноте – я вижу: собака завоет —
мужик перекрестится сплюнет
попутав —
всё вдвое

вырастает за день когда солнце в тяжёлом «Зените»
ковыряется пальчиком в этом пейзаже и виде
прибывает гроза на меня за тебя за второго
и сказать как не знаю —
полумертвого?
полу-
живого?

– 21-

[НАТЮРМОРТ ИМЕНИ КАЛЬПИДИ]

как ни смотри война воде война
из дыма руки тянутся до дна
на кухне авраам и иафет
застыли ищут старых сигарет

т (в смысле тень) глядит на тень себя
снег – 20 темная пора
картавая как речь моя похмелье
война войне почти что очищенье

почти что ощущение поры
которая несётся вдоль горы
дым вырывает норы из норы
ковчег плывёт но мимо говори

как ни смотри вода воде война
он вынимает тело из огня
и смотрит удивительно двоих

не различая разделяя их

о деревянный стыд веретена
ковчег еще принадлежит корням
почти что ощущение вины
водой сочится из войны страны

как ни смотри – с кузнечьих их колен
но руки – чувствуешь? – проходят мимо стен
ощупывай у матери живот
и изнутри смотри на оборот

я говорю ты говоришь и многорук
последний сон внутри у всех подруг
которые почти (что?) поняли тебя
дым вырывает дыры и с огня

сдувает наших жен как пузыри
они плывут насквозь и вдоль
страны

– 22-

[НАТЮРМОРТ С ИВКИНЫМ]

Вот что-то пытаюсь сказать, каждый раз замолкаешь,
лакаешь свой воздух с плеча – комоглину ломаешь.
И всё – отглагольно, и речи не наши и страшно
пред смертью своею с землею своею сойтись
в рукопашной

Орёт муэдзин за плечом, и не наша, но вера
сгибает любую лопату (Читай: огород. Это – мера),
и камень угольный сквозь ушко иглы прорастает
наутро проснешься, а снег на дыханье не тает.

К обедне отпели друзья, а к вечеру лишь жёны
(и воздух толчён, как дыханье). Перчённый, прожженный
стоишь в прямой речи – по ней соблюдая лишь дыры.
Ну... всё хорошо, потому что живые забыли

вот эти халявные руки, поступки кастрата —
ну что ж, моя тень, не летишь в свою дурь – будто ты
виновата?

а смерть – не глагол – существительна сука и прямо
её переходишь уже не живой (только пьяный).

– 23-

[НАТЮРМОРТ-ВОСПОМИНАНИЕ О 80-Х]

Что происходит в твоей стороне – так ли уж важно?

Уж отползает на юг – над озёрами – ветер,
то есть так сносит крышу в казенный загашник,
то есть – промокли грядки и сигареты.

Значит, твердишь, настоящее: значит – значит.

Время замолкнуть – засунуть оное в папиросу,
дунуть как будто – раша восьмидесятых,
слазить в улей, выпаять дулю воску.

Что происходит – старость? – не обернешься,

радость, теперь в ЖЖ – закрывая двери —
несёт мою крышу, закладывает в системник —
это я по делу – а не о вере.

Что происходит с моей – где идут санитары =
шеренга мороза свои наполняет шприцы?

Так то неважно – падаешь – не отзовётся
сердце в последний...

земле предОТСТАвив мьшцы.

– 24-

[НАТЮРМОРТ С МАШАРЫГИНЫМ]

Кошка вскакивает на подоконник. Кружка
алюминиевая падает долго. Долго
Мандельштам лежит в Таганроге или скривленном роге.
Мед вытекает и растекается тонко. Тонко
дышишь ты на плече – короче п*ц и дальше
избавляешься от себя от комков и каши
речевой, дорогой, свинцовый (почти) ребенок.
Кошка трогает тень, а та из поломок
всё пытается, собирает и дочь, и сына —
Всё проживаемо – и от того непросто
Или все – для того, чтобы ты проходил их кости,
и они скрипели что снег. Одинок в проросте —
Наблюдает или даёт свою смерть котёнок —
Кошка смотрит, как кружка падает вниз
дольше всех потёмок.

– 25-

[НАТЮРМОРТ С ОБОЛИКШТОЙ]

Переплетаясь с тишиной, в шарах летящих слева,
с Юга —

ты говорила не со мной. Скрипел упруго
неисчезающий вагон – на всех собаках,
и дворник шёл, и подметал – на автозаках
катились в тишине, в земле сплошные знаки,
варились зеки в козырнОм козЫрном фарте.

Ты, милая, ЧЕГРЕС, ЧЕРМЕТ с голодным словом,
а там за мной приходят шесть, как за уловом
ты ехала по тишине – а я за смертью
под фонарём и на убой... и дворник в третью
закрытую, как дверь, стучал кайлом и пивом,
переплетаясь с тишиной
в шарах и фильмах.

– 26-

[НАТЮРМОРТ С САННИКОВЫМ]

а ты скажи скажи: еще не завтра
еще посмотрит словно смерть таджик

и холодно вослед халявный бог из кадра
уходит чтобы свет проговорить

а рыба выплывает на ЧГРЭС
из ста китайских чмо один скинует

а из апостолов земле досталось шесть
и только свет не по себе взыскует

и смотрит вслед прощальный героин
ничейный сын стоит во тьме у слова

и комнату переходя за шесть
дощатых метра смерть его

условна

(декабрь 2008 – 2 июня 2009 г., Кыштым)

Рыбалка

Дмитрию Машарыгину

выращиваешь капусту или из ила рыбу
вынимаешь и учишь дышать по чужому за всех
спасибо

говорит [усталость в легких] и в дышло спирту
говоришь спасибо последнему самому
литру

оживаешь в деревне – а по костям и мясу
чувствуешь кому-то благодарность твоя
досталась

было двое до этой муки с рыбалкой
а спасибо в комок шерстяной внутри у нее
скаталось

так выращивай здесь капусту смотри на своё – спасибо
с головою твоей на руках соблюдает
женщин

ты выходишь вовнутрь из своей шерсти покидая рыбу
дерево ходит богом оттуда

шепчет

«тебя уже позвали никому...»

*«Тебя уже не слышно никому...»
Евгения Изварина*

тебя уже позвали никому
сказать ему – так надо – на виду
на водку дал и умер и проспался
летели ангелы как листья в октябре
а оказавшись в этом и нигде
им не укрыться слухом листопада

но выше тот который в стороне
он путает следы на словаре
и топает по фене с рафинадом

тебя уже не надо никому
и сто солдат закопано на лунном
лобке хотелось говорить о чом-то умном
но весь июль не снится только смерть
на водку дать и выйти в октябре
туда – наружу – где на языке
другом не говорят уже
не надо

где делится молчанье лишь на всех

как хлеб и дети в топке
снегопада

Качели

Дмитрию Машарыгину

город которым живём съест все качели
чели или же веки но огрубели
а тяжелеет ли сын в животе год девятый
листающий мать наизусть родовые палаты
здесь опустели и перетертые ставни
держачие воздух как-будто он ровный – не равный
равный – ребристый —
но нам развлеченье дыханье
город в котором наш сын нерожденный заране
мне говорит и мной говорит на качели
качается дым а рукава опустели
ты распрямился – игла до бессмертья дошла
и разломилась на два дурака-топора
города два на подземный и мертвый язык
реки ползли по качели реки за них
ты изрекающий город ты маленький жид
влево и вправо качались качели и кто-то на них
мне говорил щебетал и смотрел нас в наклон
сын мой ходил по земле но не наш и другой
склоны паслись как коровы в подземной реке
лики ходили за тесто людей по земле
сумма созвучий утеранный голос невынутый сын

ты говоришь только голод я слышу Кыштым
ты говоришь он рожден я теряюсь за ним
в щебете в речи бессмысленной чтобы спасли
сын в животе (будто дочь) тяжелеет в Касли
путь ему крестный и крестный
болючий как нимб
маленький плотник стоит на расплёсканном в щепки
плоту
сын говорит я здесь счастлив

(и улыбается
тут)

Кефир

Александр Павлову

как будто бы ты продолжаешь жару кефир
пишешь на коже пальцем – она состоит из дыр
она состоит из сыра и птичий пух
прицеливаясь изображает пу-пух
в смысле готовит обузу в смысле кефир
с кириллицей не знаком отдыхай Мефодий
пишет охотник в ружье записку свинцовую ты
птица на сто метровке теперь в свободе
как будто бы убывает пейзаж в прицел
это Америка то есть проклятый воздух
держит дыхание как террорист внутри
пишешь на коже это отходят воды
ты например Версаче ты например бля секс
тонкая техника исцеления Вавилона
мы же не стоим уже всех советских цен
и батарейка одна на всех и крона
как будто нет сил продолжать на исходе лето
перебиваешь сшибаешь смысл и десятку
Август тянет к тебе свою гравицапу
выпито все пора покидать палату
как будто бы ты продолжение того в махровом
то ли халате то ли затертом свете

а остаётся лишь то что пойдёт под нож и
резку бумаги или оливы ветви
едешь себе по Свердловскому тракту по
Хуй на все положить и говорить своё
в клетчатом или белом пока кефир
есть остаётся карлсон и миру мир
он улетел он вернётся в галстук и панаме
пусть целится Навух`До`Но Сор ружьё и буква
впервые стоят перед смертью – почти на равных
стенка на стенку чтобы настало утро
как будто бы ты продолжаешь и можешь проснуться
завтра не
вероятно так продолжаешь посвист
А ну-ка, ангелы, посторонитесь, бляди, себя заради...
едешь как слово зная что это поздно

«образумься сын отец...»

образумься сын отец
вишня дерево на склоне
тень лежит на косогоре
а без мяса – мяса нет

образумься отче-сын
перетянутое горем
принадлежащее горе
со своей корою спорит

рыболоуди на заборе
мясо с мясом на дворе
перевёрнутое море
сыно-отче за зверей

образумься говорю
я

не-а
отвечают ей

вишня с деревом
на склоне

мясо с тенью
от зверей

На середине мяса

Елене Мироновой

летающие на смерть в лопух из снегопада
мне говорит за печь лайф-стори колобка

среди мордатых книг забава для детсада
что хакари снегу что харя у лобка

на середине мяса стоящее мой боже
а жизнь совсем не стоит исхода словаря

прибита к раме рыба дыхания не строже
но всё уходит в речь попроще говоря

летающие на смерть горящие в округу
похожи на дефис – определенья нет

доходишь до реки несешь в руках белугу
так наступает жизнь и заступают в смерть

на потолке висят как ёлки и игрушки
как палки подо льдом текущие во тьму

за тьмою не видны спиртовые полушки

а рядом смерть моя которой нежно льну

на середине мяса духовного мой боже
стоит течет Сысерть а думает Тагил

и только лишь дыхание не думает не просит
через кривую речь нам прямо говорит:

...летащие на смерть за снегопад за стыдно
за дно или одно густейшее прости

мы видим там где речь уже почти не видно
и рядом чья-то смерть чтобы по ней идти

«на иртышской набережной будь не будь...»

Дмитрию Дзюмину

на иртышской набережной будь не будь
всё казарина повторяешь всё о шмеле
что случается проговаривается в октябрю
ближе к девятнадцатому перелей

пароходик зыбкою на плаву —
улялюм топорщится улялюм
на иртышской набережной не люблю
а уходишь с поездом —
улялюм

а случись катарсис и будешь ты
на посту молчать повторять шмеля
вспоминать июль говорить иртыш
да и бог с тобой если
не земля

а железный ангел махнет крылом
удаляешь мир улялюм delete
на иртышской набережной шмель морской
ЧПОК ПЧЕЛИНЫЙ РОТ и

МОЛЧИТ

Лошадки

*и своими косыми подошвами
свет стоит на сетчатке моей
О. Мандельштам*

да и пох што тебе говорят семит анти
антифа и нацики суть одно
пили сѣдня водку и шли по воде круги
после стенка в стенку шли
а над ними Бог

да летят по земле вслед всем ангелам небеса
всех найдет да скосит навскидку его коса
и останется в центре этих костей река
а у ней внутри хоть другая
а все ж Роса

пили водку сѣдня навзничь и шли в круги
называли ливень ГРАДОМ а снег КОЗЛОМ
антифа и нацики и други
е смотрели вверх
а на них Рыж Конь

да и пох што в паспорте не одна печать
што заштопал жесьть и идешь на другой ноге

примут триста грамм эти – та вода
и пройдет по тебе по коленям
твоим Конь Блед

пили водку – косили пару на топоры
а Петрович помер вчера и меня простил
а за ним спускался с этим дождём Михаил
оставляя после воды
за водой угли

да и пох што тебе говорят семит анти
антифа и нацики в переправе ужо одно
пили сѣдня водку и шили воде круги
во спасенье на стенку шли
под подошвой Бог

ОЯЗЫКО

*(три деревни, два села) одной реки.
Светлана Ла*

в полдеревни два крыла пореки
по поречью за поленом итить
тмино поле и слепы свиречки
оязыко за себя говорить

на углу запекутся угли
говори за себя инквизи
тор везет но растут топоры
а посмотришь на снег и вблизи

в полдеревни запущенный змий
на китайском а машет окном
в разговоры дразнит и фонит
будто богу заведом закон

он сидит наверху и босой
забинтованный машет во сне
или в поле как мерзлый по спам
топорище укрыто в сосне

«В плавном речении лечит...»

в плавном речении лечит
тебя крысолов черных веток
точит помедливший крот
корни (сбежавший из клеток,

знай, анатомии сын,
слева направо картавишь
так открывается зонтик
так по слогам себя правишь
так распиваешь коньяк

так разбиваешь до хруста
то что тебя наизусть

ПОМНИТ

как будто)

вернуться в дом когда смотри сотри
окаменело пламя говорить
и 37 наотмашь бьют часы
и хлеб растет из хлебных горловин
вернешься в дом и не простишь когда
страшишься кожи смерти и себя

умеришь [прыг! – отмеришь семь сорок
на стаи мир поделешь всех потом]
и потом отмороженным своим
тебя коснутся из шестой строки
твои три персонажа – идишь твой
всё чаще перемигивает вой

вернёшься в дом – на полку – в подкидной
играешь с огородами – с одной
...как хорошо голодным в тридцать семь
часов вставать или прилечь совсем
в доселе проницаемую смерть
вернешься в дом а дочитать ответ

не провернёшься – яблочная синь
резина или воздух сам горит
на семь третей нас делит и следов

найти не можешь [но на всё готов
нас ангел провести а изнутри
он с немотой своею]

говори

Мушиный рай

Григорию Тарасову

Разрывает мясо мясо сентября —
В никого проходит, словно тень меня
Переходит Стиксом, переходит вброд,
Говорит наречьем, будто я урод,
Разрывает мясо [по бедро] в снега.
Остаются даты, даты и река

В комнате. В стоячей [по бедро] воде
Ты стоишь, как отрок сумочный – там, где
Тень заговорила, в нас увидев тень,
Дети не боятся – говорят: убей...
Убиваешь мясо яблочное – кровь
Поднимает небо, занимает кров,

Ослепив младенца, в сумрак хромосом
Вынешь андрогинна из кармана – в ком
Завернешь сухую, как ладонь, беду —
Яблоко порежешь – я сейчас уйду
Сам слепое мясо, по слепому, по
Мясу земляному стукачей гробов.

Стой со мною рядом, мякиш разминай

То мясной, то хлебный, предводитель стай,
Лодка-самостройка или крысолед.
Волки не помогут, приезжай в Свердловск —
За твоим же мясом, за твоей чертой —
Рай для цокотухи и пчелиный рой.

Живой журнал

Игорю Панину

как будто сТыд играю в домино
и шахматно на осень с Сущим пиво
разлитое на шах или на семь но только знаешь
умирать лениво
как будто переходишь по кольцу
метро и наступаешь по концу
и всяким педерастом гомофоб или УНСа
наС рать и приберёг

как будто веро4ку
читаешь Большой страх и публика
везущая безумца Читает их или читает нас

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.